

Магазин купца Л.Н. Емельянова (здание в центре)

Кузнецк купеческий

В современном Новокузнецке практически не осталось следов купеческого прошлого старого Кузнецка. Наверняка, лишь немногие горожане вспомнят о существовании в районе Советской площади «дома купца Фонарёва» (ул. Водопадная, 19) и, пожалуй, только продвинутые краеведы к этому скромному списку смогут добавить названия «дом купца Муратова» (ул. Народная, 1) и «дом купца Васильева» (ул. Народная, 5А). Исчез не только архитектурный облик той, в общем-то не столь отдалённой эпохи, исчез сам дух, ощущение этого прошлого. Оживить некоторые эпизоды того времени, наполнить их «соком жизни», чтобы напоить нашу пересохшую память, – такова цель предлагаемой прогулки по городу вековой давности, когда слово «купец» вызывало вполне узнаваемые образы.

Кузнецк начала XX века мало чем напоминал уездный город, каковым он являлся уже на протяжении трёх столетий. Небольшие улочки, около пятисот частных, почти сплошь деревянных домов на 3,5 тысячи человек, четыре каменные церкви да несколько казённых и общественных заведений – вот и весь Кузнецк того времени, скромно приютившийся у подножия Вознесенской (ныне – Крепостной) горы на правом берегу Томи. «Большое патриархальное село», – свысока характеризовали Кузнецк изредка заезжавшие сюда интеллигенты. Однако тишина кузнецкой жизни была обманчива. Здесь, как и в любом сообществе людей, кипели свои страсти, где высокие чувства и корыстные стремления соседствовали друг с другом.

Основное население Кузнецка составляли мещане (так тогда официально именовали городское население, не входившее в другие сословия) и чиновники (в Кузнецке, как в центре уезда, было сосредоточено много различных учреждений). При этом весьма заметную роль

в жизни города играла относительно небольшая купеческая прослойка. Занятие торговлей даже в таком небольшом городе, как Кузнецк, давало возможность при удачном стечении обстоятельств неплохо разбогатеть. Мелкой торговлей в той или иной степени занималось немало число кузнецчан. Но стать настоящим коммерсантом, получить гильдейское свидетельство удавалось немногим. (В зависимости от суммы заявленного капитала, с которого платился налог государству, купцы в дореволюционной России делились на гильдии: первоначально гильдий было три, а к концу XIX века их сократили до двух.)

Одним из таких мещан, кто сумел правильно поставить торговое дело, стал Леонид Никандрович Емельянов. Начиная он ещё в 1870-х годах с небольшой деревянной торговой лавки на Базарной площади (ныне эта некогда центральная площадь старого Кузнецка известна как Советская).

Дела шли неплохо, и вскоре Леонид Никандрович получает официальное свидетельство на право ведения крупной (а не

мелочной, как ранее) торговли, став купцом второй гильдии. В 1881 г. происходит новое значимое событие – основывается компания «Торговый дом Л.Н. Емельянова». Тогда же он строит новый, пока ещё тоже деревянный, магазин. Нанимает приказчиков. Среди его работников уже тогда выделялся Максим Окулов. Л.Н. Емельянов возлагал на этого способного парня, которого считал своим воспитанником, большие надежды.

Сам Окулов был родом из крестьян Вятской губернии. Его родители, как тогда многие, подались в поисках лучшей доли за Урал, в Сибирь, обосновавшись в Томской губернии. Но вскоре умер отец, а затем и молодая мать. Максим остался сиротой. Однажды, возвратившись с товаром из Томска, Л.Н. Емельянов привёз с собой в Кузнецк бойкого и расторопного подростка. Анне Ивановне, жене Леонида Никандровича, мальчик понравился. Так Максим Мануйлович Окулов оказался на положении воспитанника в доме Емельяновых.

Шло время. К концу века Емельянов уже прочно стоял на ногах, выбившись в

тройку крупнейших кузнецких купцов. Торговал он всем — мануфактурой, галантереей, бакалейными, скобяными и другими товарами, удовлетворяя как незатейливые потребности небогатых кузнецов, так и эксклюзивные, хотя и нечастые, запросы состоятельных горожан. Отстроил два новых каменных магазина. Первый — промтоварный — вырос на центральной Базарной площади. Ажурная кирпичная кладка этого магазина превратила, казалось бы, чисто утилитарное сооружение в подлинную архитектурную жемчужину тогдашнего Кузнецка. Это незаурядное здание существовало на уже Советской площади вплоть до 1970-х годов, когда был снесён последний островок купеческой застройки прежнего города. Второй магазин, специализировавшийся на торговле винами и коньяками (так называемый «ренсковый погребок»), расположился в самом начале Базарного переулка (ныне — улица Ленина) на его правой стороне. Интересно, что в советское время это здание обросло надстройкой в виде второго деревянного этажа, но по-прежнему использовалось в качестве магазина. Нелишне отметить, что право на частную торговлю «горячительными» напитками в то время получить было непросто (в Кузнецке такое право имели 3-4 торговца). Зато, если это удавалось, затраты окупались сторицей.

Будущее Леонида Никандровича обещало быть блестящим. В феврале 1889 г. у него родился наследник — сын Василий. Подрастала красавица-дочь Ольга — завидная партия для кузнецких женихов. Впрочем, шансы у них были минимальны: живший все эти годы в доме Емельяновых Максим Окулов ни разу не разочаровал своего наставника. Он всё чаще выступает доверенным Л.Н. Емельянова в делах, заключает контракты, ведёт торговые операции. В 1894 г. происходит давно ожидаемое событие: Максим Мануйлович, женившись на Ольге, становится его зятем. Так Леонид Никандрович совершил самую удачную сделку в своей жизни, приобретая заинтересованного в процветании Торгового дома молодого и способного родственника, причём с минимальными затратами. Справедливости ради надо сказать, что решение отца связать семейными узами свою дочь и своего воспитанника полностью совпадало с тайными желаниями Ольги.

Леонид Никандрович в последние два десятилетия XIX века играл весьма заметную роль в жизни города. Его неоднократно избирали в состав Кузнецкой городской думы, к его слову прислушивались. Кандидатура Емельянова была реальной альтернативой купцу С.Е. Попову, который на протяжении многих лет занимал пост гла-

Дом купца Окулова 1917 год

Кузнецкая почтово-телеграфная контора располагалась в бывшем доме купца Окулова. Фото второй половины 1920-х годов

вы городского самоуправления Кузнецка (о нём разговор ниже). Но 29 марта 1900 года на 54-м году жизни кузнецкий второй гильдии купец Леонид Никандрович Емельянов скоропостижно скончался... Давно Кузнецк не видел таких пышных похорон. Проводить в последний путь известного купца вышел почти весь город. Тёплым апрельским днём впереди траурной процессии шли продавцы из его магазинов. Они отрывали куски мануфактуры и вместе с деньгами разбрасывали на всём пути шествия к кладбищу.

Управление делами полностью перешло к Максиму Мануйловичу Окулову, ставшему теперь главой Торгового дома под несколько изменённым названием «Наследники Л.Н. Емельянова». Подраставший Василий Леонидович со временем вполне мог стать компаньоном Окулова в управлении капиталами своего отца. Но судьба распорядилась иначе. Несмотря на то что Василий поступил в коммерческое училище Томска, торговля его не вдохновляла.

Более того, молодой Емельянов, открытый, наделённый от природы обострённым чувством справедливости, считал зазорным наживаться, как он считал, на купле-продаже. На этой почве он нередко спорил со старшей сестрой и матерью, призывая их устроить торговлю по льготным ценам для беднейших слоёв кузнецов. Те лишь сокрушённо покачивали головами, удивляясь, откуда у Василия такие «неправильные» для будущего коммерсанта помыслы.

Однажды произошёл случай, после которого Василий решил покинуть Кузнецк и уехать от не понимающей его семьи в Томск. Загорелся домик одного небогатого кузнецанина: на тушение пожара, как это обычно бывало, сбежалось много горожан. Среди тех, кто спасал имущество попавшего в беду погорельца, одним из самых активных оказался Василий Емельянов. Уже к ночи, весь в копоти и саже, в прожжённом местах дорогом костюме, но счастливым от того, что смог спасти от огня нехитрый скарб потерпевшего, он вернулся домой. Сестра и мать строго отчитали Василия

*Дом Окулова. Слева –
каменный магазин по
продаже вин и коньяка*

*Максим Мануйлович с
сыном Женей и женой
Ольгой Леонидовной*

*Ольга Леонидовна
Окулова с сыновьями.
Томск. 1912 год*

за этот безрассудный, с их точки зрения, поступок, особо попеняя ему за испорченный костюм. Этот разговор окончательно привёл Емельянова-младшего к решению покинуть отчий дом. Перед отъездом в Томск он созвал своих друзей на прощальный ужин. Собралось много народа: друзья пригласили своих приятелей, те, в свою очередь, позвали своих знакомых, в итоге дружеская вечеринка переросла во всеобщее застолье разношёрстной компании. Во время шумного пиршества кто-то оскорбительно высказался по поводу одной из кузнецких девушек, которую хорошо знал Василий Емельянов. Юноша заступился за её честь перед обидчиком, но тот, опьяневший, не отдавая в полной мере себе отчёта, схватил подвернувшийся нож и тяжело ранил не ожидавшего удара парня. За жизнь Василия боролись кузнецкие и томские врачи, куда в надежде на их помощь переправили раненого, но все их усилия оказались напрасны: через два дня Василия Леонидовича не стало...

Между тем у Окуловых подрастали два сына: Иван и Евгений. Отец был спокоен: будет кому передать налаженное дело. Но в 1915 году произошла очередная трагедия:

старший сын Иван на охоте тяжело ранил себя из ружья в голову. Его, как некогда и Василия, родители на пароходе экстренно отправили в больницу в Томск. По дороге Окулов-младший скончался. Тот же казённый пароход «Чулым», принадлежавший министерству путей сообщения, привёз тело погибшего обратно в Кузнецк. Проводить в последний путь с пристани Ваню Окулова высыпал без малого весь город.

Официальная версия произошедшего – несчастный случай: взведённый курок зацепился за сук дерева, произошёл выстрел. Но кузнецкие утверждали, что Иван сам направил ружьё на себя. Ещё подростком он полюбил местную красавицу Марию Чулошникову – дочь мелкого кузнецкого торговца, изготавливавшего сита на продажу. Но мать Ивана и слышать не хотела об этом увлечении сына. Когда же он заговорил о возможной женитьбе на Маше, Ольга Леонидовна категорически запретила ему даже думать об этом. «Свадьба с дочерью ситника стала бы позором для нашей семьи». Перед роковой охотой он встретился со своей возлюбленной. В последний раз...

Но самые большие испытания как для семьи Окуловых, так и для всех кузнецких

были ещё впереди. Революция, смена власти, гражданская война – всё это взорвало размеренную жизнь уездного Кузнецка. Но наиболее трагичной страницей тех лет в истории города стал декабрь 1919 года. В оставленный колчаковцами после переворота Кузнецк вошёл партизанский отряд Григория Рогова, устроивший расправу над яркими сторонниками и пособниками белой власти. На этом фоне прокатилась целая волна самосудов и необоснованных кровавых расправ. Среди прочих мученическую смерть приняла Ольга Леонидовна Окулова-Емельянова. Было ей тогда 45 лет. Самого же Максима Мануйловича последний раз видели под конвоем роговцев. В народе поговаривали, что один из конвоиров оказался бывшим приказчиком Окулова и помог купцу незаметно ускользнуть из рук своих врагов. Во всяком случае, его труп никто не видел, но и о дальнейшей судьбе купца никаких известий никогда не поступало. Женя Окулов, переживший «кузнецкую катастрофу», учился в городе Томске уже в советское время, приезжая на лето в Кузнецк. Но ему также не суждено было продолжить род Окуловых: свирепствовавший тогда тиф не пожалел и его...

Степан Егорович Попов

Не осталось наследников и у другого, некогда крупнейшего в истории Кузнецка купца – Степана Егоровича Попова. Впрочем, об этом незаурядном человеке сохранилась светлая память, основанная на его добрых делах. Стефан Георгиевич (как официально он был записан в метрических книгах) прожил непростую жизнь. Он родился в обычной крестьянской семье ещё в то время (1846 год), когда большая часть сельского населения Томской губернии была приписана к алтайским заводам. Это было своего рода разновидностью крепостного права, когда крестьянин подушную подать был обязан отработать в пользу заводов – нажечь и привезти древесный уголь, перевезти добытую руду с рудника на завод и пр. Однако природный ум и сметливость позволили Попову не затеряться в крестьянской массе: его заприметил один из томских купцов и взял к себе в помощники. И, как оказалось, не зря. Вскоре дочь этого купца Анна, своенравная, но слишком доверчивая, оказалась в интересном положении. При этом выяснилось, что её избранника и след простыл. В этой щекотливой ситуации купец вспомнил про своего помощника и поставил перед Степаном вопрос ребром: либо женишься на беспутной Нюрке, скроешь браком её грех, тогда тебе и капитал, и приданое, либо скатертью дорога – возвращайся в свою глухомань и тяни крестьянскую лямку. И хоть не по нраву Степану была купеческая дочь, но предложение было заманчивое. Ударили по рукам, а вскоре и свадьбу сыграли.

Тесть не обманул новоявленного зятя: выделил Степану капитал, а тот уже сумел им правильно распорядиться. В 1878 г. по указу Томской казённой палаты от 13 сентября С.Е. Попов был зачислен в кузнецкие 2-й гильдии купцы. В те годы царский Кабинет, которому принадлежали земли на Алтае и в Кузнецком крае, разрешил част-

никам заниматься золотодобычей на своей территории. А золотишко здесь водилось. Бередили душу фантастические рассказы о том, что тот или иной счастливчик намывал за сезон золотого песку столько, что могло хватить на всю оставшуюся жизнь. Степан Егорович решил испытать судьбу и вложиться в это рискованное, но сулящее большие прибыли дело. Нанял знающих людей, тщательно произвёл разведку места потенциального прииска и, получив первые обнадеживающие известия, развернул добычу золота. Результат оказался более чем весомым: в иные годы прииски Попова приносили более пуда золотого песка.

Теперь можно было и капитально обустроиваться в Кузнецке. Степан Егорович на Подгорье по улице Достоевского (тогда ещё носившей название Полицейской), в том месте, где её пересекает ручей Картас, приобрёл два двухэтажных деревянных дома на каменном фундаменте. Здесь же раскинулась огромная усадьба, да такая, что на её территории Степан Егорович по полотистым

берегам Картасского ручья разбил настоящий, удивительно живописный сад, засадив его кедром и березами. Полный цветов, с правильно расположенными дорожками, необыкновенной беседкой с золотой арфой на крыше (!), этот уголок города превратился в настоящее заповедное место. Два своих дома купец соединил специальным крытым переходом, окна которого вместо стекол были украшены цветными витражами. Для Кузнецка того времени всё это было в диковинку и вызывало восхищение. Впрочем, даже обычные чёрно-белые снимки дают представление о величии и красоте этих зданий. А резные наличники, резные столбы ворот! Да это были не просто столбы, а произведения декоративно-прикладного искусства.

Начиная с 1884 года, в течение более четверти века, вплоть до июля 1911-го, (исключая небольшой перерыв с 1895 по 1899 годы), Степан Егорович Попов возглавлял городское самоуправление Кузнецка – сначала в качестве городского головы,

Ворота усадьбы С.Е. Попова

Приходское училище (дом на Советской площади, который построил Попов). Фото начала 1960-х годов

Елена Васильевна Попова

а затем (после упразднения в Кузнецке Городской думы) городского старосты.

Одновременно С.Е. Попов стоит во главе различных попечительских советов и общественных организаций. Так, в 1882 году он становится почётным блюстителем Кузнецкого уездного училища и на протяжении двух десятков лет оказывает учебным учреждениям Кузнецка солидную финансовую помощь.

Именно на эти годы приходится его широкая меценатская деятельность, по своим масштабам не имевшая прецедентов в истории Кузнецка. Перечислим лишь наиболее крупные пожертвования купца Попова на развитие города: в 1880-х годах он производит отстройку обветшавшей каменной Успенской кладбищенской церкви (затрачено 2900 р.), жертвует 3800 р. на ремонт Кузнецкого уездного училища, пострадавшего от пожара, нанимает на время ремонта училища для продолжения занятий дом купца Ломшакова (всего за 4 года истратил на это 1200 р.), в память «чудесного сохранения жизни государя императора в страшный день 17 октября 1888 г.» ставит новый иконостас в Никольском приделе Спасо-Преображенского собора (1200 р.), покупает материалы и оплачивает работу при постройке нового каменного двухэтажного здания для помещения мужского и женского приходских училищ (6000 рублей; отметим, что это здание, расположенное на Советской площади, где ныне магазин «Народный», продолжало функционировать как учебное учреждение и в советское время, вплоть до своего сноса в 1960-х годах).

Обратим внимание и на такой удивительный для нашего времени факт: причитающееся ему за службу в течение восьми (!) лет жалованье по должности городского головы С.Е. Попов предложил использовать на улучшение санитарного состояния города, и это не считая участ-

ка земли, который Степан Егорович пожертвовал Кузнецку для постройки проектируемой тогда городской больницы. Скрупулёзный подсчёт вложений Попова в экономику города даёт кругленькую сумму в 30 тысяч рублей. Но только ли в деньгах дело?! Известно, к примеру, что С.Е. Попов был одним из основных инициаторов строительства в Кузнецке Народного дома. Впрочем, невозможно перечислить всех славных дел городского головы С.Е. Попова в столь кратком списке.

Однако было бы неправильно представлять Степана Егоровича неким ангелом во плоти. Но если и были у него минусы (современники, особенно с «передовыми» взглядами, нет-нет, да и обвиняли Попова в чрезмерном консерватизме, кондовой патриархальности и прочем наборе антилиберальных наклонностей), то история Кузнецка, богатая пересудами и долгой памятью на всё хорошее и — особенно — плохое, не оставила нам никаких поводов усомниться в искренности его поступков. Наоборот, благодарные кузнецкие в 1896 году выступили с ходатайством о присвоении С.Е. Попову звания Почётного гражданина Кузнецка. Вскоре эта просьба через томского губернатора была удовлетворена. Правительство также не обошло вниманием активную деятельность кузнецкого купца на ниве просвещения и общественной деятельности: по линии министерства народного просвещения он награждается золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на шею, а затем и серебряной медалью «За усердие».

Если в бизнесе и общественной жизни дела у С.Е. Попова шли отменно, то относительно его личной жизни ничего столь однозначного сказать нельзя. Анна Васильевна (та самая дочь томского купца), с которой он прожил более двадцати лет и которая ещё с молодости не отличалась сдержанностью к спиртным напиткам, с

годами только усугубила свой порок. Как вспоминал Вениамин Булгаков (родной брат нашего земляка — последнего секретаря Л.Н. Толстого Валентина Булгакова), в те годы ещё ребёнок, «супруга городского старосты, запойная пьяница, ушла в детскую и там пьёт уже третий стакан белой водки, тайно от мужа и от всех гостей, а мы видим это и довольны, что открыли «тайну»...».

В итоге пристрастие к алкоголю скоропостижно свело в могилу ещё далеко не старую Анну Васильевну. Но вдовцом С.Е. Попов пробыл недолго. Вскоре после очередной поездки в Томск он привёз оттуда молодую жену Елену Васильевну. Да не просто жену, а красавицу. Да не просто красавицу, а такую, какой кузнецкий свет не выдывал! И спустя многие десятилетия кузнецкие, кому посчастливилось вживую видеть Елену Васильевну, с восхищением вспоминали о волшебной красоте и неземном обаянии этой женщины.

Дадим слово Валентину Фёдоровичу Булгакову: «Жена купца Попова Елена Васильевна, оправдывая своё имя (Елена!), была действительно так прекрасна, так стройна, отличалась таким нежным цветом и такими правильными чертами молодого, гордого и в то же время приветливого лица, что даже мы, восьми- и десятилетние ребята, невольно на неё заглядывались, как на картинку. И манеры у Елены Васильевны были полные достоинства и изящества. Из кузнецких барынь никто не осмеливался отрицать красоту Елены Васильевны Поповой, но так как надо же было найти у кузнецкой «первой дамы» хоть какой-нибудь недостаток, то говорили, что всё, де, в ней хорошо, но вот только рот она держит почти всегда открытым. А мне лично так всегда нравился этот иногда полуоткрытый прелестный ротик, с едва видными из-за алых уст правильными дужками белых, ровных зубов. Одевал городской староста свою жену как

куполку, — нет: как королеву! По вечерам он сам катал её в двухместном рессорном шарабане на одном из своих рысаков по городу... На моё счастье, Елена Васильевна была прихожанкой Богородской церкви, той самой, где я прислуживал в алтаре, и я мог видеть её, пышно одетую, впереди всех богомольцев, перед правым клиросом, каждое воскресенье».

Как вспоминали другие кузнечане, во время таких богослужений прихожане, даже женщины, вместо того чтобы внимать священнику и погрузиться в молитвы, невольно искали глазами жену Попова, не в силах оторвать от неё восхищённого взора, и затем, словно очнувшись, начинали неистово креститься, как бы замаливая этот греховный поступок. Но стоило им приподнять голову, и в следующую минуту всё повторялось вновь.

«Детей у Поповых не было, — продолжает Валентин Булгаков. — В городе говорили, что Елена Васильевна не была счастлива в супружеской жизни. Увы, известно, что богатство счастья не заменяет... Но она была верной женой, а Попов был исключительно корректен как муж. Позже стали, однако, называть лицо, будто бы обратившее на себя благосклонное внимание красавицы. Через много лет, когда Попов умер, я узнал, что Елена Васильевна соединила свою судьбу или, лучше сказать, остатки её с судьбой этого лица».

Надо сказать, уже к середине 1900-х годов Степан Егорович стал испытывать все большие финансовые трудности, связанные с упадком золотодобычи на его приисках. Он пытался, как в молодости, разведывать новые россыпи, вкладывал большие деньги в изыскательские работы, но результаты были более чем скромные. Сказывали, что уполномоченные Попова обманывали уже немолодого купца, пользуясь его доверием, прогрессирующим нездоровьем и удалённостью от приисков. К концу жизни Попов фактически разорился и даже был вынужден просить Кузнечское общественное самоуправление вернуть ему некогда потраченные им на покупку для города пожарогасительной машины... 200 рублей. Собрание уполномоченных, памятуя о прежних заслугах Почётного гражданина, постановило вернуть просимую сумму старику.

В ноябре 1914 года Степан Егорович Попов умер и был скромно похоронен на городском кладбище (там, где ныне разбит Сад алюминщиков). Елена Васильевна вскоре после революции навсегда покинула Кузнецк и, по слухам, оказалась в Петрограде вместе с тем самым кузнечиком другом, о котором упоминал В.Ф. Булгаков.

Большой поповский дом был взят в аренду компанией «Копикуз» (это извест-

В центре — дом купца Васильева. Начало XX в.
Слева — здание приходского училища.

ное акционерное общество планировало развернуть в районе Кузнецка строительство крупного металлургического завода); здесь поселилась семья управляющего южной группой «Копикуза» инженера Перлова. После трагических событий декабря 1919 года, когда Перлов был убит роговскими партизанами, а его семья выехала из города, пустующий дом был национализирован, и здесь разместился Кузнечский военкомат.

В 1925 году, когда центр Кузнечского округа из Кузнечка был перенесён в Щегловск-Кемерово (вот когда будущий Новокузнецк выронил из своих рук пальму первенства в споре со своим северным визави о главенстве в регионе!), туда же, предварительно раскатанные на брёвна, были отправлены на пароходе два поповских дома — новоявленный административный центр в это время остро нуждался во всё новых метрах жилой площади для размещения вмиг расплодившихся различных управленческих структур. На опустевшем участке земли бывшей усадьбы Попова разместился чуждый этому месту комплекс тюремных зданий и сооружений, опошлив своим существованием память об этом красивом, уютном и удивительно романтичном уголке старого Кузнечка...

В истории Кузнечка можно выделить два периода, характеризующихся активным и даже в некоторой степени бурным каменным строительством, в значительной мере изменивших внешний облик города. Первый период начался в 1775 году с возведения первого каменного сооружения в Кузнецке — Одиотриевской церкви — и продолжался до 1820-х годов, когда были построены собор (его основная часть), комплекс крепостных зданий и три жилых дома (интересно, что все три эти некогда жилые здания сохранились до настоящего

времени на улице Народной и известны в истории города как «казначейство», «уездное училище» и «дом Копикуза»).

Затем после полувекового перерыва, когда в Кузнецке возводились исключительно деревянные строения, вновь начинается использование кирпича в качестве строительного материала. В обоих этих периодах заслуга в начинании капитальной застройки Кузнечка принадлежит местным купцам: в первом случае — Ивану Дмитриевичу Муратову и в последнем — Михаилу Васильевичу Васильеву. Безусловно, оба эти купца — личности исключительно неординарные, сумевшие из самых глубин «народной массы» (И.Д. Муратов — бывший крестьянин, приписанный к алтайским заводам; М.В. Васильев — из простых солдат) подняться до уровня творцов кузнечкой истории.

Однако если в отношении купца Муратова на основе подлинных исторических документов вырисовывается личность воистину подвижническая, по праву вошедшая в немногочисленную, к сожалению, плеяду кузнечких «доброхотодателей» (читай — меценатов), то в отношении Васильева трудно дать столь однозначно высокую оценку. Так, городская молва утверждала, что происхождение богатства Васильева имеет под собой весьма тёмное прошлое. Насколько можно верить этим слухам? Один из старожилов Кузнечка Георгий Куртуков в своё время (в 1970-е годы) поведал такую историю, услышанную им от людей, очень близко и хорошо знавших купца Васильева.

Служил в 1860-е годы в Кузнечской местной команде рядовым солдатом некий Мишка Васильев — лицом чернявым, ростом невысокий, но при этом шустрый, «оборотистый»: приноровился с солдатской кухни собирать в мешок остатки

хлеба и сдавать его гражданским в обмен на молоко. Выменянное в ходе такого «гешефта» ведро парного молока бойко расходилось среди сослуживцев, а в карман «еврейчика», как прозвали его товарищи, оседали очередные медные копеечки да пятакчи.

Однажды, стоя в карауле по охране тюремного замка (где содержались уголовные преступники со всего Кузнецкого уезда), солдат Васильев услышал, как его кличет один из «сидельцев». Васильев подошёл на настойчивый зов и сквозь решётчатое окно увидел, что бродяга-колодник, которого вскоре должны были переслать дальше, на каторжные работы, что-то возбуждённо шепчет. Михаил приник совсем близко к окну, и тогда взволнованный и торопливый голос каторжника стал отчётливо слышен:

– Помоги, солдатик, озолочу! Помоги бежать – золото дам, навек хватит! Только пилку принеси мне – озолочу с лихвой...

– Да есть ли у тебя это золото? Уж не обмануть ли ты меня вздумал, – зашептал в свою очередь Васильев, чувствуя, как забилось внутри сердце.

Но бродяга, похоже, не врал – и место сообщил и приметы тайника: на скотском кладбище, под бояркой, лежит конский череп, в нём банка железная, а в ней мешочек кожаный с монетами золотыми. Порешили, что Васильев проверит всё сказанное, если правда – поможет бежать бродяге. Лишь кончилась вахта, снарядился Васильев на поиски и на рассвете, крадучись от всех, отправился к тайнику, описанному каторжником. И ведь не обманул бродяга! Наткнулся вскоре Миша на заветную банку, вскрыл её дрожащими от волнения руками и... аж зажмурился – сотни золотых монет «заиграли» в лучах утренней зари.

Припрятал Васильев это богатство в своё новое место, а каторжнику сказал, что не нашёл ничего. Долго кричал и проклинал его обманутый бродяга, отправляемый на этап, да Миша только ухмылялся, а золотишко до поры до времени не трогал, понимал: излишние деньги могут вызвать ненужные расспросы и подозрения, а потому продолжал с прежним усердием налегать на хлебные корки...

Пролетели семь лет – закончилась Мишина служба. Решил он остаться в Кузнецке, легализовать своё богатство. Но действовал опять крайне осторожно: сначала нанялся в работники к местному купцам, затем развернул мелочную торговлю и лишь по прошествии нескольких лет решился начать «большую игру». Выстроил на Базарной площади в торговых рядах каменную лавку (первую и, как оказалось, единственную за всю историю Кузнецка среди прочих деревянных), затем спустя ещё пару лет напротив неё по Базарному переулку (ныне улица Ленина) возвёл огромный двухэтажный дом (известный впоследствии как «дом купца Шукшина»), а вскоре в начале улицы Продольной (в советское время – улица Пятилетки) построил ещё один двухэтажный каменный особняк, а также прикупил подобный дом по соседству (некогда выстроенный купцом Муратовым и долго пребывавший затем в руках семейства купца Петра Баранова, но после его смерти в середине того же XIX века ушедший «с молотка» и долго не могший обрести своего настоящего хозяина) – за этим домом даже закрепилось наименование в последующей городской истории как «дом купца Васильева» (другое наименование – «дом Копикуза»).

И жил купец Васильев – не тужил, дела шли в гору, семья радовала (его жена

Екатерина Евгеньевна, дочь известного священника Тюменцева, венчавшего самого Ф.М. Достоевского, принесла ему двух сыновей – Петра и Александра). Беда пришла откуда не ждал: явился в Кузнецк бежавший с каторги бывший бродяга, некогда обманутый Васильевым.

Каторжник решил получить всё сполна и припугнуть новоявленного купца его прошлым. Вечером он незамеченный проник в магазин Васильева на Продольной улице, поднялся на второй этаж, где жила семья купца и, резко распахнув дверь, оказался на пороге гостиной перед оторопевшим хозяином. Васильев не сразу признал незнакомца, но когда тот заговорил о тюрьме, конском черепе и золоте, то похолодевший от страха купец всё моментально вспомнил и всё понял: от этого «гостя» просто так не отделаться. В его душе созрел план...

Не подавая вида, купец пригласил своего давнего «товарища» отведать с ним ужина и за столом усердно потчевал нежданного гостя лучшими винами и наливками. Потерявший бдительность бежавший арестант поддался притворному гостеприимству и вскоре оказался мертвецки пьян. Тогда купец приказал затопить баню, перетащил туда тело спящего каторжника и... взялся за топор. К утру последние улики и следы преступления были уничтожены в топке банной каменки. Но недолго пожил сам купец после этого преступления: в этом же году вдруг разболелся Васильев, да так сильно, что не смогли его уже поднять на ноги ни лучшие доктора, ни дорогие лекарства.

Впрочем, при всей возможной достоверности этой истории это всё же городская легенда. А что же факты? Родился Михаил Васильевич Васильев в конце 1820-х либо самом начале 1830-х годов

Панорама улицы Народной. 1950-е годы. 2 и 3-й дома справа – бывшие дома купца Васильева

(по одним сведениям, в 1829 г., по другим – в 1831 г.). Известно, что в 1860-х годах в Кузнецке появляется временный из солдат кузнецкий купец Михаил Васильевич Васильев. В 1874-76 годах он уже служит кузнецким городовым старостою, а в списке кузнецан за 1875 год, имеющих право участвовать в городских выборах, его фамилия стоит первой среди сотен других. На 1880 год мы имеем более точную цифру: кузнецкий купец второй гильдии М.В. Васильев обладал самой обширной и дорогой в городе недвижимостью: годовой налог с неё составлял 40 рублей 35 копеек, в то время как его ближайший «конкурент» – купец Степан Егорович Шукшин, занимавший третью строчку в общегородском списке, – платил почти в два раза меньше (25 руб. 75 коп.). Тогда же М.В. Васильев был избран гласным Кузнецкой городской думы на период с 1881 по 1885 год. В 1887 году, 22 июля, уже будучи в солидном возрасте, Михаил Васильевич вторично женился на 34-летней девице Екатерине Евгеньевне, урождённой Тюменцевой. Их недолгий брак вполне можно назвать счастливым: в феврале 1890 года родился их общий первенец – сын Александр, а через год – сын Пётр. Но уже 17 октября 1894 года богатейший купец Кузнецка М.В. Васильев скоропостижно скончался от паралича сердца.

Екатерина Евгеньевна пыталась продолжить ведение бизнеса своего покойного мужа, и первые годы ей это ещё удавалось. Однако, надеясь обеспечить будущую прибыль, купеческая вдова стала вкладываться в крупные предприятия (открытие транспортной конторы для доставки грузов на прииски и др.), которые, в конечном счёте, не оправдали финансовых вложений, да и подраставшие сыновья не

Бывший дом купца С.Е. Шукшина. 1956 год

проявили таланта в коммерческих делах. В итоге имущество Васильевых за долги было описано и их каменные дома пошли с молотка. Одноэтажный кирпичный магазин на Базарной площади достался купцу Н.П. Ермолаеву, двухэтажный дом напротив приобрёл купец С.Е. Шукшин. Дом на улице Народной (прежнее название – переулочек Одигитриевский, позднее – улица Нагорная) перекупил барнаульский купец Лобастов (сам в Кузнецке не проживал, а дом сдавал в аренду). Последний двухэтажный каменный дом Васильева в начале улицы Продольной (Пятилетки), где ещё при жизни купца по его разрешению разместилось приходское училище для мальчиков, после ряда юридических проволочек достался городу. В советское время в последние годы существования этого дома до его сноса в конце 1960-х годов здесь размещался детский сад №45.

Ещё один известный кузнецкий купец 2-й гильдии Степан Егорович Шукшин когда-то жил богато, сперва промышлял золотом (держал несколько приисков), затем торговал спиртным по всему уезду – до введения государственной монополии на продажу водки этот бизнес приносил ему немалый доход. Но времена менялись, и торговля пошла на спад. Дальнейшая перспектива для Шукшина вырисовывалась туманная, но тут подвернулся счастливый случай по сходной цене приобрести двухэтажный каменный дом на Базарной площади, отобранный у Васильевых. Это оказалось как нельзя лучшим вложением капитала. Добротный кирпичный дом с большим полуподвалом и подсобными помещениями во дворе отлично подходил для открытия в нём крупного магазина.

И действительно, вскоре Шукшин сдал первый этаж своего нового дома томскому

Часовня Иверской иконы Божьей Матери (Иверская часовня), построенная С.Е. Шукшиным. 1913 год

«Торговому дому Василий Вытнов с сыном Петром», открывшему в нём «Бакалейный и гастрономический магазин». Томский купец Пётр Вытнов (его отец к тому времени уже давно умер) сам в Кузнецк не ездил, а всеми делами руководил через своего доверенного. Томичи предлагали большой выбор товаров, начиная с различных сыров и колбас и заканчивая дорогими винами и коньяками. Однако гастроном занимал лишь правую часть первого этажа, в его левом крыле расположился фирменный магазин по продаже швейных машинок «Зингер». Фирма «Зингер» имела чрезвычайно разветвлённую сеть своих магазинов по всей России, не забывая охватить продажами даже отдалённые глубинки. Во всех местах находились торговые агенты, не составляя исключения в этом плане и город Кузнецк.

Второй этаж купец Шукшин сдавал в аренду под так называемое «общественное собрание». Здесь собиралась богатая кузнецкая публика для общения, игры в бильярд, карты, иногда здесь ставились небольшие камерные спектакли, но в целом этот своего рода элитный кузнецкий клуб не отягощал себя «культурными начинаниями».

Уже в период гражданской войны в 1919 году престарелый С.Е. Шукшин продал свой дом-кормилец, как он его сам называл, который уже давно не приносил прежнего дохода, куздеевскому купцу Пискотину. Вырученные за дом деньги купец разделил между своими родственниками, а сам с женой продолжал жить в одноэтажном деревянном доме, приютившемся во дворе каменного особняка. Однако название «дом Шукшина» навсегда закрепилось за этим зданием в нашей местной истории. В советское время здание использова-

лось под нужды различных учреждений, в 1930-е годы там заседал Кузнецкий райсовет, затем в нём разместился детский дом, а последние годы до своего сноса в конце 1970-х годов дом стоял фактически бесхозным. С обвалившейся крышей и прогнившими полами, он доживал свой век за плотным забором. Но даже в таком состоянии здание ещё сохраняло черты былого величия и красоты.

Однако имя купца Шукшина связано не только с этим домом. Небольшая по объёму, но удивительно изящная и богато украшенная каменная Иверская часовня — это уже самостоятельное детище Степана Егоровича. Фактически это семейная церковь Шукшиных, построенная в 1886 году на средства самого купца. Располагалась часовня позади Спасо-Преображенского собора на улице Водопадной.

Как и многие его современники, Шукшин отличался большой религиозностью. Один из шорцев, хорошо знавший купца и сопровождавший его в речных походах на золотые Ивановские прииски, оставил одно любопытное воспоминание, характеризующее эту черту Шукшина. Однажды во время спуска по притоку Томи лодку, на которой находился Степан Егорович со своими спутниками, перевернуло на опасном речном пороге. Когда потерпевшие крушение пассажиры смогли выбраться на берег, оказалось, что Шукшина среди них нет. Стали искать купца и обнаружили его еле живого в бурлящем потоке: одной рукой он из последних сил держался за куст, а в другой сжимал евангелие, которое всегда возил с собой. «Такой крепкой веры был он», — подытожил свой рассказ шорец.

Как следствие, Степан Егорович живо интересовался церковной жизнью, не ску-

пились на щедрые дары в адрес Спасо-Преображенского собора и его причта (купец был приписан к приходу этого храма). Достаточно сказать, что он передал в дар этой церкви принадлежащий ему двухэтажный деревянный дом по Соборной улице (она же улица Успенская, в советское время — старая улица Луначарского, ныне не существует). В этом доме многие годы проживали священники собора. Поэтому, конечно, неслучайно, что именно у С.Е. Шукшина созрело желание построить отдельную часовню. Однако это решение родилось не спонтанно. Непосредственным поводом строительства часовни стал один роковой случай.

Старший сын купца Александр, разделяя религиозные чувства отца, поступил в Томскую духовную семинарию и успешно окончил её. По случаю завершения учёбы бывшие уже семинаристы устроили прощальный пикник на природе. Лето в этом году было холодное, и Александр после такого загородного похода подхватил двустороннее воспаление лёгких. Врачи оказались бессильны, и скоротечная болезнь вскоре забрала у Степана Егоровича его любимого сына. Вот тогда убитый горем отец и дал себе зарок возвести часовню.

Часовня была богато украшена массивными иконами в дорогих окладах. Все иконы святых, помещавшиеся в ней, так или иначе были связаны с семейством Шукшиных. Так, икона первомученика архидьякона Стефана выступала покровителем самого купца Степана Егоровича, икона святого Александра Невского — сына Александра, икона святого апостола Луки — младшего сына купца Луки и т.д. Всего шесть больших икон. Когда в декабре 1919 года после пожара, организованных партизанско-уголовными элементами, в Кузнецке выгорели внутри все каменные церкви и спустя некоторое время прихожане собора начали восстанавливать этот храм, то для его убранства были позаимствованы уцелевшие иконы из часовни Шукшина.

Во второй половине 1930-х годов собор был закрыт для богослужений, а вскоре и вовсе переделан под нужды хлебозавода. Тогда же была разрушена и часовенка, осиротело стоявшая за церковной оградой: к этому времени купец Шукшин уже давно умер, избавив себя от печального зрелища сноса собственного детища. Впрочем, не всё так трагично: потомки купца Шукшина здравствуют и поныне.

Продолжая разговор о наследии купца М.В. Васильева, вернёмся к его первому каменному магазину на Базарной площади. Как было сказано выше, этот магазин приобрёл гурьевский купец Н.П. Ермолаев.

Нарцис (или Нарцис) Павлович Ермолаев, безусловно, примечательная личность своей эпохи. Высокообразованный, числившийся официально как кузнецкий купец 2-й гильдии, Н.П. Ермолаев постоянно проживал в Томске и Гурьевске, где были его родовые корни.

Родился Нарцис Павлович около 1866-1867 годов в купеческой семье. Среднее образование получил в Томске. Девятнадцатилетним юношей он поступает в Петербургский технологический институт. Здесь Нарцис становится членом сибирского землячества и вскоре сближается с радикальной молодёжью, занимавшейся распространением нелегальной литературы, антиправительственных листовок и т.д. В начале 1888 года Ермолаева, уже находящегося под негласным надзором полиции, привлекают к дознанию при Петербургском жандармском управлении по подозрению в сотрудничестве с революционными группировками. После этого с учёбой в институте можно было распрощаться. Ермолаев возвращается обратно в Сибирь, к отцу, где начинает заниматься сначала сельским хозяйством, а затем и торговлей, в которой изрядно преуспел. От былых романтических увлечений революционными идеями не осталось и следа. Полиция, не обнаружив ничего предосудительного в поступках Ермолаева, в марте 1903 года прекратила негласный за ним надзор.

Между тем Нарцис Павлович, проявляя настойчивость и смекалку, активно развивал свой коммерческий бизнес. Так, в 1906 году один любознательный корреспондент газеты «Сибирская жизнь» зафиксировал следующий примечательный факт. Руководство Салаирского золотого рудника, находящегося в 11 верстах от Гурьевского завода, предпочитало покупать железо для нужд своего дела не у производителя – Гурьевского завода, а у перекупщика – местного купца Н.П. Ермолаева. Причём здесь никакого сговора или «откатов» не было. Просто Ермолаев, очень часто ссужавший завод деньгами, получал от него существенную скидку на всю продукцию, что давало купцу возможность продавать железо по ценам ниже, чем были отпускные цены у самого производителя. Более того, и качество железных изделий у Ермолаева было выше, чем у заводского продажного железа, так как мастера, работавшие на купца, относились к его заказам более внимательно и усердно, чем к заводской работе.

В Кузнецке Ермолаев вёл торговлю через своего доверенного Буханова. То ли Ермолаеву повезло, то ли он умел хорошо разбираться в людях, но с доверенным он не ошибся. В отличие от прочих своих коллег, которые зачастую больше заботились

Ермолаев Нарцис Павлович с супругой Анной Михайловной

Крайнее справа здание – бывший магазин купца Ермолаева (на фото видна лишь часть). 1952 год

о собственном кармане, чем об интересах своего патрона (череда кузнецких доверенных томского купца П.В. Вытнова в этом плане очень показательна: за 3 года сменилось 4 местных управляющих, и каждый раз такая смена была вызвана финансовым скандалом), Буханов умело и добросовестно вёл дела, впрочем получая за это весьма щедрое вознаграждение.

В 1910-х годах на эти деньги он даже сумел построить и открыть на Базарной площади рядом с магазином своего хозяина собственное торговое заведение (деревянный магазин Буханова, располагавшийся в советское время на красной линии одноимённой площади и многие годы использовавшийся под дежурный хлебный магазин, был снесён в 1970-е годы). Однако всё это произойдёт несколько позднее. Тогда же, в середине 1900-х годов, Ермолаеву, расширявшему торговлю в Кузнецке, стало тесно в стенах каменного, но не слишком просторного «васильевского» магазина. Он принимает решение выстроить в северо-восточной части Базарной площади на линии магазинов Шукшина-

Емельянова (Окулова) свой собственный торговый павильон. К сожалению, Ермолаев в качестве строительного материала для нового магазина выбрал дерево, что в итоге несколько «смазало» архитектурный облик этой части Базарной площади, которая вполне могла бы в случае каменной застройки свободного до этого участка претендовать на звание красивейшего архитектурного ансамбля старого Кузнецка. Но в любом случае магазин Ермолаева стал весьма популярной торговой точкой города тех лет. В советское время здание продолжали использовать по его первоначальному назначению: в конце 1920-х годов здесь разместился первый магазин Тельбесского ЦРК (центрального рабочего кооператива), снабжавшего рабочих Кузнецкстроя продуктами и промтоварами, а в последние десятилетия до его сноса здесь шла торговля исключительно бытовыми изделиями промышленного производства. Каменный же магазин, ставший Ермолаеву ненужным в связи с постройкой нового павильона, гурьевский купец продал шорскому купцу А.И. Куртегешеву.

Район Подкамень. Кузнецкая пристань на Иванцевке. Прибытие парохода «Чулым». Справа два крайних 2-этажных дома – дома П.С. Тытыякова. 1915 г.

Иван Алексеевич Куртегешев

Алексей Иванович Куртегешев, по национальности шорец, происходил из «инородцев Кондомо-Барсиатской волости улуса Осиновского» (ныне территория города Осинники), но ещё в конце XIX века переехал в Кузнецк, выстроил себе двухэтажный дом по улице Зелёной (ныне улица Полосухина) и занялся перепродажей различных «шорских товаров»: пушнины, кедровых орехов, леса и пр. Такая посредническая торговля приносила хорошие барыши. Купец Куртегешев трагически погиб (был зарублен на пороге собственного дома) в декабрьские дни 1919 года, когда зашедшие в Кузнецк многочисленные анархистско-уголовные группировки рыскали по городу в поисках извращённо понятой справедливости, золота и свежей крови. Вновь оставшийся без хозяина бывший «васильевский» каменный магазин был в итоге муниципализован, и в его стенах разместилась кузнецкая пожарная часть («пожарка» так и просуществовала в этом доме до его сноса в 1960-е годы). Отметим напоследок, что сам Куртегешев был абсолютно неграмотным, но его старший сын от первого брака – Иван (по прозвищу «Иванак») – старался брать пример в этом плане не с отца, а с другого шорского торговца, проживавшего в Кузнецке, – с П.С. Тытыякова.

Порфирий Семёнович Тытыяков происходил из «инородцев улуса Абинского» (современный Абагур-Лесной). Получил хорошее начальное образование. Возможно, заканчивал Кузнецкое приходское или даже уездное училище. Как разбогател П.С. Тытыяков, в точности сказать за отсутствием соответствующих документов затруднительно. Но только мы видим его в начале XX века уже осевшим в Кузнецке и владеющим двумя большими и добротными

ми двухэтажными деревянными домами в районе Подкамня (ныне ареал улицы Набережной). Тытыяков имеет в это время уже определённый авторитет и вес в городе (что само по себе редкость для шорца той эпохи) и в 1911 году он был избран городским старостой (оставался в этой должности до 11 марта 1915 года).

П.С. Тытыяков имел собственный небольшой мыловаренный завод на окраине Кузнецка, приносящий его хозяину неплохой доход. Но главным источником благосостояния Порфирия Семёновича оставалась аренда его недвижимости.

Свой первый двухэтажный дом (который располагался ближе к собору) П.С. Тытыяков всегда сдавал в аренду городским структурам. Так, долгое время, вплоть до весны 1917 года (т.е. до ликвидации старых царских органов власти), на первом этаже его дома размещалось Кузнецкое уездное полицейское управление, а второй этаж сдавался под жильё кузнецкому уездному исправнику – человеку, который руководил уездной полицией; весной 1917 года в этом доме разместился временный комитет общественного порядка и безопасности – орган власти, возникший в этот переходный период, а с осени 1918 года (после своего образования) – Кузнецкая уездная земская управа (колчаковский период); в советское время дом также использовался различными организациями.

Во втором двухэтажном доме жил сам Порфирий Тытыяков и его семья: жена и дочь Мария. Мария получила великолепное образование в Германии, училась в Берлине, а затем вернулась на родину и проработала некоторое время учительницей в Кузнецком приходском училище. Однажды (незадолго до 1919 года) зимой в доме Тытыяковых случился пожар. Ма-

рия приняла самое деятельное участие в его тушении: выносила из дома вещи, постоянно выбегала на мороз в одной лёгкой ночной рубашке. Сильно простудилась, и кузнецкие врачи уже не смогли её спасти. Умерла. Убитая горем мать после этого уже не смогла оправиться и тоже вскоре ушла из жизни. Осиротевший шорец Тытыяков в декабре 1919 года разделил судьбу своего соплеменника Куртегешева: он был зарублен в период «большого кузнецкого террора». Впрочем, отдельные свидетельства кузнецчан говорят о том, что он сам ждал смерти как избавления...

Среди крупнейших кузнецких купцов нельзя не упомянуть купца Красимовича. По происхождению поляк, Иван Матеевич Красимович оказался в Сибири не по своей воле. Участник известного польского антиросийского восстания 1863 года (напомним, в то время большая часть современной Польши входила в состав Российской империи), он после его подавления как политический преступник был сослан в Сибирь. И здесь мы снова, как это не раз уже бывало в кузнецкой купеческой истории, окунаемся в легендарное прошлое, где правда и вымысел настолько плотно переплетены друг с другом, что уже практически невозможно отделить одно от другого.

Итак, семейное предание Красимовичей гласило, что настоящее имя Ивана Красимовича – Ян Вишневецкий. Он был представитель древнего польского шляхетского рода. Во время освободительного движения польского народа молодой дворянин (ему только исполнилось 18 лет) командовал повстанческой жандармерией (так назывался наиболее боеспособный костяк польских «инсургентов»), но после ряда тяжёлых боёв потерпел поражение и

Дом семьи Красимовичей

Иван Матвеевич Красимович

вместе со своим адъютантом был схвачен царскими войсками. Вишневному как одному из руководителей восставших групп поляков уже давно заочно царским правительством был вынесен смертный приговор. Теперь же, после пленения, перспектива казни становилась вполне реальной. Но Яна спас его адъютант, такой же юный, как и сам Вишевский, — во время боя он был тяжело ранен и уже в плену, умирая, настоял на том, чтобы его командир взял его одежду и документы, а ему отдал свои. Так произошла судьбоносная подмена: Вишевский стал одним из фактически рядовых участников восстания по фамилии Красимович. После военного суда Красимовича-Вишневого, как и сотни прочих поляков-мятежников, сначала определили в Нижегородскую губернию в арестантскую роту на три года с 30 ноября 1864 года. Но вскоре последовавшая первая частичная амнистия в отношении бывших участников польского восстания (что произошло в апреле 1866 года) вернула Красимовичу его прежние права состояния и позволила ему по отбытии половинного срока в арестантской роте быть отправленным на поселение в Сибирь.

Сначала Ивана Матвеевича (так его здесь именовали) водворили в Тобольской губернии, где по разрешению местной администрации ему позволили переехать на жительство в Павлодар. Здесь тогда ещё холостой Красимович обзавёлся хозяйством, начал заниматься торговлей по свидетельству купца 2-й гильдии и вскоре приобрел небольшой капитал. Пора было подумать о женитьбе, но формально он не имел права приписаться к павлодарскому городскому обществу. Это заставило Красимовича сменить место жительства. Он переезжает в Семипалатинск, затем

в Барнаул, где встречает свою суженую: Софья Фабиановна, сама дочь ссыльного поляка, не смогла отказать 35-летнему невысокому (его рост составлял 167 см), но прекрасно сложенному голубоглазому шатену в его предложении руки и сердца. Вскоре после свадьбы родился первенец — сына назвали Альбин. Однако и в Барнауле чета Красимовичей оставалась недолго: Ивану Матвеевичу приглянулся скромный и небольшой (по сравнению с Барнаулом и Томском) Кузнецк, куда Красимовичи перебираются на постоянное место жительства, приписавшись к местному городскому сообществу.

В Кузнецке полностью раскрылся талант Красимовича-предпринимателя. Развернув первоначально торговлю хлебным вином (водкой), в конце 19 века Иван Матвеевич в преддверии введения государственной монополии на «крепкий алкоголь» решает открыть в Кузнецке пивоваренный завод. Его прошение в Томское губернское правление на открытие каменного завода с деревянными службами «в Слободской части города на месте, называемом Стрелкою» в декабре 1895 года вскоре получает «добро» от губернских властей. Тогда же Красимович недалеко от завода возводит солидный одноэтажный дом (большой цокольный этаж превращал этот дом фактически в 2-этажный) по переулку Базарному (ныне улица Ленина). Этот дом, пережив многие политические потрясения (в нём в 1918 году размещалось общежитие первых советских работников в Кузнецке, затем, в 1919 году, когда после свержения советской власти в городе расположились колчаковцы, здесь разместился белогвардейский офицерский клуб), многие десятилетия активно использовался под различные учреждения и конторы и был

сносён одним из последних среди домов старой застройки по улице Ленина уже в 1970-е годы. Сам купец Красимович, во время своей деловой поездки в Томск около 1905 года, как-то неосторожно шёл по городу и был насмерть сбит тройкой лошадей. Там же его и похоронили.

В Кузнецке дело Ивана Матвеевича продолжила его вдова купчиха Софья Фабиановна, а в 1912 году, после её смерти, завод возглавил сын Альбин, приобщив к делу своего шурина (мужа старшей сестры Зоси) Франца Францевича Корытковского. До Первой мировой войны (до запрета на торговлю спиртным) дела Красимовичей шли в гору. Затем начавшаяся революция и потрясения гражданской войны разбросали кузнецких Красимовичей по всему миру: Альбин в итоге со своей семьёй оказался в Польше, где в Кракове он также впоследствии открыл пивоваренный завод (его холостые сыновья умерли относительно недавно — в 1990-е годы), его младшая сестра Буня (Антонина) погибла в Казахстане, младшая Зося (как и все Корытковские) осталась в советской России, перебрав в качестве места жительства многие города. Потомки этой четы Корытковских-Красимовичей здравствуют до сих пор.

А Кузнецкий пивоваренный завод, реконструированный и модернизированный в советское время, работавший по своему прямому назначению ещё в начале 2000-х годов, стоит до сих пор, незаметно затерявшись среди современных многоэтажек, словно безмолвный свидетель кузнецких драм и страстей, радостей и горестей кузнецчан, от которых нам остались лишь немногие, но столь драгоценные для нас следы родного прошлого...

Петр Лизогуб

Фото из архива Новокузнецкого краеведческого музея